Варенников Валентин Иванович/Неповторимое/Книга 5/Часть 7/Глава 5

Из Афганистана в Чернобыль и обратно. Боевые операции продолжаются

Трагедия Чернобыля меня не обошла. Из ада в пекло. Организация работ по ликвидации последствий аварии. Главные усилия — АЭС. Создание полевого НИИ. Инженерные работы по всей пойме Припяти. Очистка населенных пунктов. Щербина и Легасов — сильные фигуры.

Сообщение о чернобыльской трагедии застало меня в Шинданте — в штабе 5-й мотострелковой дивизии. Мы готовили операцию в зеленой зоне западнее Герата с выходом на границу с Ираном. Информация об аварии носила весьма общий характер, но в то же время в ней не было ничего успокаивающего, и нельзя было сделать однозначный вывод: опасно это для народа или не опасно. Конечно, я не удержался и, чтобы прояснить ситуацию, начал по закрытой связи названивать в Генштаб, в Управление начальника химических войск Министерства обороны. Ведь это наше Отечество! Наконец, я вышел на заместителя начальника химических войск Министерства обороны генерала А. Д. Кунцевича.

— Что произошло, Анатолий Демьянович?

— По-моему, самое плохое, но еще не все ясно.

— А все-таки из того, что уже ясно, что прозошло?

— Взрыв в реакторе четвертого блока Чернобыльской станции. Естественно, в атмосферу был выброс. Сейчас на блоке пожар. Формируют правительственную комиссию.

У меня вопросов не было. Но и радостей — тоже. Ясно, что это громадная для страны беда. Вдобавок присутствие наших войск в Афганистане обыграно администрацией США так, будто мы выступаем в роли оккупантов. И что самое странное — подавляющее большинство стран мира придерживались именно такой формулы, совершенно не зная истинного положения дел. Это была уже беда для нашей страны. И вдруг к ней добавляется вторая — катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Забегая вперед, должен сказать, что мы с Виктором Петровичем Поляничко — политическим советником Наджибуллы — не один раз обсуждали все напасти, которые обрушились за последние годы на наше Отечество. Сюда относятся, кроме двух указанных, еще и катастрофа в водах близ Новороссийска, где в результате столкновения двух теплоходов погибли сотни людей. Плюс катастрофа нашего теплохода в водах Индонезии с огромными жертвами. Еще несколько катастроф на железных дорогах со взрывами и тоже колоссальными жертвами.

Как-то Виктор Петрович приезжает ко мне и говорит: «Есть интересное сообщение. В Москве поговаривают, что глава нашей Православной церкви был у Горбачева и сказал ему: «Все беды, которые обрушились на наш народ, — это небесное знамение, связанное с вами, Михаил Сергеевич. Вам надо уйти со своего поста, чтобы оградить народ от дальнейших бед». Действительно, до него такого не было. Естественно, я поинтересовался, какая была реакция Горбачева.

— Отрицательная, какая еще могла быть реакция у ограниченного человека, — сказал Поляничко.

— Но ведь даже у ограниченного человека должно быть чувство ответственности за свой народ!

— Конечно, должно быть! Но поскольку Горбачев под каблуком у Раисы Максимовны, то самостоятельных решений он принимать не может, тем более таких громких.

Этот разговор у нас состоялся в 1988 году. А приблизительно через полгода Виктор Петрович сказал мне: «Пимен умер. Видно, бедный, очень переживал, потому и умер». Вполне вероятно, что смерть пришла на почве тяжелейших переживаний. Но как далеко смотрел патриарх Пимен! Он предвидел, что правление Горбачева может привести к трагическим последствиям, и, чтобы предотвратить эту беду, нашел в себе мужество сказать могущественному генсеку правду в глаза. К сожалению, никто из богослужителей не сказал Ельцину, что в нем дух сатаны и он измучил людей, что ему надо уйти со своего поста.

Но вернемся к Чернобылю.

Организовав все необходимые мероприятия, прямо или косвенно обеспечивающие операцию в районе Герата, я поручил ее проведение заместителю командующего армией генералу Г. Г. Кондратьеву, а сам

отправился в Кабул. Но ни посол СССР в Афганистане Ф. Табеев, ни руководитель представительства КГБ СССР в Афганистане Н.Калягин ничего нового не сообщили. Я же никому больше не звонил, чтобы не раздражать.

Наши государственные праздники в Афганистане отмечались, как повелось на фронте, скромно. Только в посольстве, согласно международному этикету, устраивали прием. А в этот раз первомайские праздники вообще были, как похороны.

3 мая вечером, на второй день после того, как Н.И.Ры¬жков с группой руководителей побывал в Чернобыле, звонит мне — первый раз за все дни этих событий — С.Ф.Ахромеев:

— Вы, конечно, уже знаете, что произошло у нас в Чернобыле. Вначале думали, что это происшествие локального характера, оказалось, что оно вышло за рамки даже общегосударственного. Создана Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий во главе с Н. И. Рыжковым. Туда вошел и наш министр обороны С.Л. Соколов. Для принятия мер на месте действует правительственная комиссия под руководством первого заместителя председателя Совмина Б. Е. Щербины. От Министерства обороны туда вошел генерал-полковник В.К.Пикалов — начальник химических войск. Сейчас кое-что подтянули и кое-что подтягиваем в этот район для того, чтобы решать задачу по ликвидации последствий аварии.

— Но, наверное, самое главное — это как закрыть четвертый блок — источник всех бед? — спросил я.

— Это верно. Забрасывают его с воздуха различным балластом, чтобы погасить пожар, а пока других конкретных предложений нет. Принято решение эвакуировать всех в радиусе 30 километров от АЭС.

Вот так — решений по четвертому блоку нет, а это главное. Что касается эвакуации из всех населенных пунктов в радиусе 30 километров от станции, то это уже трагедия. Можете себе представить: прожили в доме всю жизнь, и вдруг его надо покидать. Куда? Кто там ждет? А какая судьба ждет отчий дом? Короче, одни вопросы без ответов. А ведь таких населенных пунктов оказалось 188. Решение принял председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков 2.05.86 г., и сразу все закрутилось.

У меня было какое-то предчувствие, что Чернобыль мимо меня не пройдет. Хотя оснований — никаких: нахожусь в Афганистане, война в разгаре, занимаю пост руководителя, заменять меня здесь сейчас нет смысла ни по каким соображениям. И все-таки где-то там, глубоко, шевелилось предчувствие, что меня тоже могут приобщить к чернобыльскому делу.

И действительно, через десять дней мне вторично позвонил по этому вопросу Ахромеев и сказал: «Я больше так работать не могу — каждый день «сижу» только на Чернобыле. Но у Генерального штаба много и других забот. Поэтому, Валентин Иванович, вы сейчас два-три дня по телефону врастайте в обстановку, а потом придется на пару месяцев ехать в Чернобыль и все взять на себя, в том числе организовать все основные работы по ликвидации последствий аварии и снять с меня эту обузу».

Особой радости я не выразил, хотя почему-то чувствовал, что мое место в это время должно быть именно там. Поэтому ответил буднично: «Готов». И хотя я был доволен (не знаю почему) тем, что меня включили в разрешение самой важной в то время для нашей страны проблемы, но все же поневоле возникал вопрос: неужели в Вооруженных Силах невозможно было найти генерала необходимого калибра, который бы действительно смог взвалить на себя все, что связано с Чернобылем? Разумеется, начальник Генерального штаба постоянно должен быть в курсе дела, иметь всегда под рукой справки и выводы, но организаторскую работу могли сделать другие. Почему из ада надо посылать в пекло? Ведь было много таких, кому и не снилось пекло. Это можно было только предполагать. И я, разумеется, предполагал... почему послали именно меня.

Организация работ по ликвидации последствий аварии

Однако вопрос был решен. Я немедленно включился в организаторскую работу. Находясь еще в Кабуле, начал создавать в Москве свою Оперативную группу для работы в районе аварии. Но чем дальше, тем больше я стал убеждаться в том, что нам надо иметь хоть какую-то научно-исследовательскую базу, опираясь на которую можно было бы делать обоснованные шаги в вопросах ликвидации последствий аварии. В связи с этим я предложил Ахромееву создать на базе Вооруженных Сил, не привлекая никого извне, так сказать, полевой «научно-исследовательский институт» и дать ему наименование — Научный центр МО, а во главе поставить генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Федорова. Последнее время он был первым заместителем начальника Главного штаба Сухопутных войск, а до этого длительное время проходил службу в Киевском военном округе — в роли начальника штаба округа. Естественно, в Киеве и на Украине он знал многих, хорошо знали и его. Тем более что он к тому же был депутатом Верховного Совета Украинской ССР и даже членом Президиума Верховного Совета. А это не последний фактор, когда приходится создавать какой-то орган и проводить организационную работу.

Начальник Генштаба не только поддержал меня, но и предоставил свободу действий, сказав, что штат, состав и персоналии я волен подбирать по моему решению. Естественно, в состав института были включены лучшие научные силы Министерства обороны, в том числе и гражданской обороны страны. В частности, начальником штаба этого НИИ стал генерал-лейтенант Борис Павлович Дутов — начальник Института гражданской обороны, доктор технических наук, профессор. А первым заместителем Научного центра был назначен полковник (сейчас генерал) Роберт Федорович Разуванов — начальник Института химических войск Министерства обороны, кандидат (сейчас доктор) технических наук.

Как ни печально, но А. К. Федоров и Б. П. Дутов преждевременно ушли из жизни. И причиной тому явился Чернобыль.

В середине мая я уже был в районе аварии, и в самый раз: Б. Е. Щербина уже сдал дела председателя комиссии И.С. Силаеву, а сейчас прибыл вновь, чтобы оказать необходимую помощь.

Иван Силаев никогда — и будучи министром, и после — не был мне по душе. Я считаю, что Д. Ф. Устинов, конечно, в кадрах разбирался. Но как он мог на авиационную промышленность пропустить министром Силаева — ума не приложу! Правда, потом его потихоньку отвели с самостоятельного участка на зампреда, а позже и вовсе вытолкали в правительство РСФСР, ошибочно считая, что там делать нечего. Однако все это было позже. А в Чернобыле он был председателем Правительственной комиссии, с которым невозможно было ничего решать. Зато после него дела резко пошли на поправку. Вначале пришел Лев Алексеевич Воронин, который больше смахивал на делового Б. Е. Щербину и, конечно, двинул многие вопросы вперед. А с приходом Юрия Дмитриевича Маслюкова вопросы вообще решались оперативно, по-деловому и в полном взаимопонимании. Эти же традиции были сохранены и значительно развиты Владимиром Кузьмичом Гусевым. Не было у нас никаких проблем и в период, когда председателем комиссии был Г. Г. Ведерников. Как видите, мне пришлось поработать фактически почти со всеми союзными председателями Правительственной комиссии — это вторая половина мая, июнь и июль месяцы (они менялись через две недели, а я оставался).

Заложив все основы нашей будущей работы, а главное— решив создать свою основную базу в Овруче, я отправился в Москву. Доложил начальнику Генштаба, что имею общее представление о состоянии дел (ни министр обороны, ни начальник Генштаба к этому времени в Чернобыле еще не бывали; кстати, Ахромеев там так и не появился, а Соколов приезжал на один день в июне или июле месяце). Доложил также, как я представляю себе стоящую задачу и методы ее выполнения — а они для меня были на поверхности, никто их мне не ставил, да и ставить их не надо было.

Итак, на мой взгляд, необходимо (как шаги первостепенной важности):

Во-первых, ежедневное ведение воздушной и наземной радиационной разведки непосредственно в районе станции и прилегающего к ней промышленно-складского района. Такая разведка должна проводиться как минимум дважды в сутки. Все изменения должны докладываться «наверх» и в комиссию на месте.

Во-вторых, постоянное проведение радиационного и дозиметрического контроля среди личного состава и на объектах, ведение соответствующего учета.

В-третьих, организация дезактивации сооружений и территории АЭС (эти мероприятия кардинально отличались от таких же в 30-километровой зоне).

В-четвертых, то же самое, но в 30-километровой зоне.

В-пятых, одновременно с выполнением перечисленных задач провести обустройство всех прибывших в район катастрофы войск для ликвидации последствий аварии (а это десятки тысяч людей).

Решая вопросы дезактивации сооружений и территории АЭС, мы обязаны были совместно с Министерством энергетики (А. И. Майорец) и с ученым миром (А. П. Александров, Е. П. Велихов, В. А. Легасов и др.) искать пути тампонирования реактора и сбора разбросанных по плоским крышам зданий АЭС излучающих твел и других опасных элементов. И мы делали это, а затем уже контактировали с Минсредмашем и даже с министром угольной промышленности Михаилом Ивановичем Щадовым.

Кстати, большой труд был вложен в бетонирование ряда элементов, прилегающих непосредственно к разрушенному реактору снизу. Штольню (проходку) делали угольщики, а минсредмашевцы и минэнерговцы бетонировали, так сказать, строили подстилку (под разрушенный реактор) размером 30 на 30 метров и толщиной 2,5 метра. Это был тяжелейший труд. Мир узнал в свое время, что этих самоотверженных людей возила на работу на бронетранспортерах группа военных под руководством подполковника Бельченко.

Кроме того, военные обязаны были создать дезактивационные пункты при выезде из АЭС и вторично — из десятикилометровой зоны.

Далее необходимо было содействовать гражданским органам: в организации и проведении эвакуации; в поддержании порядка и недопущении мародерства в районах, где население эвакуировано; в укреплении правопорядка во всей чрезвычайной зоне.

Наконец, особую важность представляла проблема защиты водных ресурсов от радиоактивного заражения. В связи с этим предусматривалось строительство новых дамб и укрепление существующих, проведение обвалования реки Припяти и основных ее притоков.

Разъясняя все эти меры (кстати, Сергей Федорович Ахромеев внимательно слушал и не задавал никаких вопросов — видно, многое он услышал впервые), я логично подвел к одному весьма принципиальному выводу: катастрофа произошла в условиях двух положительных факторов. Первый фактор: 26 апреля — это пик вешних вод, поэтому облако взрыва, вылетев из кратера 4-го блока, поднявшись на километровую высоту, упало на пойму реки Припяти, переполненной быстро идущей в Днепр вешней водой. Миллиарды зараженных частиц угодили в воду. Вначале падали, естественно, тяжелые, затем — полегче, наконец, оседал дым — туман с микрочастицами. И все это поглотил могучий Днепр. Поэтому опасность, заключенная в облаке, фактически миновала. Анализ же воды в Днепре ниже впадения в него Припяти показал, что никаких отклонений не было до самого устья. Воду можно было пить.

Второй фактор — облако от взрыва легло также в основном на песчаную почву. А песок, как известно, обладает хорошими абсорбирующими свойствами и склонностью соединяться с нуклидами (радиационно опасными частицами). Поэтому там, где на почве был дерн, с ветром могла еще «гулять» радиационная пыль. Но где дерн был снят или вообще его не было, а имелись песчаные пролысины, — там можно было считать, что нуклиды схвачены. Осталось только перевернуть верхний слой почвы, как безопасность значительно повысится (разумеется, такие мероприятия могут проводиться только в местах скопления народа).

Учитывая два этих фактора, можно заранее отвергать любые программы-фолианты, рассчитанные в первую очередь на выполнение частных задач, а не на разрешение принципиальных общегосударственных проблем в связи с бедой, которая обрушилась на страну. А такие уже появились.

Начальник Генштаба отнесся к моему докладу одобрительно и утвердил программу действий на июнь и июль месяцы. В эти месяцы по графику Генштаба еще продолжали прибывать в район катастрофы воинские части. Их надо было встретить, временно разместить, определить задачи и режим работы, одновременно организовать обустройство (точнее, строительство военного городка). А поскольку перспектива ведения здесь работ определялась не месяцами, а годами, то и обустройство войск проводилось соответствующее.

Утром 24 мая я вылетел из Москвы обратно в Чернобыль уже с основным составом оперативной группы и руководством Научного центра. На душе было спокойно, так как все вопросы предварительно на месте я уже на прошлой неделе обговорил. И сейчас летел, как домой. Предстояло только развести соответствующих начальников по объектам, определить им задачи и приступить к действиям.

В состав оперативной группы входили: генерал-лейтенант Г. С. Стародубов, генерал-лейтенант А. Д. Кунцевич, генерал-майор Г. В. Прокопчик, генерал-майор С. Н. Лиховидов, полковник В. С. Тушнов.

В числе Научного центра, кроме его руководителей — генералов А. К. Федорова, Б. П. Дутова и полковника Р.Ф.Разуванова, летели лица технического состава, взятые в основном из Института гражданской обороны и частично — Института химических войск. С их помощью уже с первых дней можно было наладить делопроизводство, издание документов, дежурство, передачу и принятие распоряжений, информации и т. д.

Мы приземлились, как и заказывалось, на военном аэродроме Овруч. Проехав в город и показав вместе с командованием дивизии место расположения Научного центра его руководителям, я вернулся на аэродром, пересел на поджидавший нас вертолет и отправился в Чернобыль. Полет занимал всего десять минут.

На всем лежала печать осиротелости. Все села — как вымерли, ни души. Не долетая до Чернобыля, я сказал, чтобы вертолет дал круг вокруг города Припять. Чудесный ультрасовременный, многоэтажный город с бассейнами, теннисными кортами и прочими спортивными площадками был мертв.

Перед посадкой я приказал несколько раз на небольшой высоте облететь разрушенный четвертый блок станции, чтобы можно было хорошо осмотреть картину катастрофы с правого борта.

Облетая саму АЭС, заметили только нескольких человек, и то у административного корпуса. Четвертый же блок был разворочен так, будто кто-то вырвал его нутро и при этом «наломал дров» рядом. Однако я почему-то ожидал большего, считал, что коль произошел взрыв реактора, то там уж если не Хиросима, то нечто тоже грандиозное в печальном смысле слова. Однако увиденное такого впечатления не оставляло. Позже, когда мы мотались на АЭС дважды в сутки, то обратили внимание на то, что внешне, если созерцать станцию с дороги, разрушения явно не были заметны. Однако это ядерное чрево еще дышало, и в атмосферу выбрасывались все новые и новые порции нуклидов, хотя и в небольших дозах.

На вертолетной площадке в Чернобыле уже было оживленно — люди, машины, мотоциклы и даже велосипеды. У многих на шее белеет упрощенный фильтр воздуха — при необходимости (если поднималась пыль или в особо опасной зоне) маска из бинта и ваты быстро натягивалась на рот и нос, гарантировала от попадания частиц изотопов урана, плутония, стронция и т. д. в легкие. Конечно, они многих спасали, но, к сожалению, помогли не всем. Так же, как и свинцовые листы на полу вертолета: хоть они и были толщиной в палец, а дозиметр во время нашего полета над АЭС показывал 10—15 рентген/час (!).

С вертолетной площадки отправились в здание, где уже располагались военные — генерал армии Иван Александрович Герасимов со своей группой, группа генерал-полковника Владимира Карповича Пикалова, военные летчики, инженеры, связисты, строители и т. д.

Сам В. К. Пикалов заболел и уже уехал. О том, что плохо себя чувствует И. А. Герасимов, я узнал от него лично. Видно, тоже подхватил большую дозу облучения. Часто военачальники считают, что они, мол, неуязвимы. А иногда им просто как-то неудобно соблюдать элементарные требования, которые обязаны выполнять все — от солдата до маршала. Пренебрежение элементарными нормами безопасности может обернуться трагедией. Я и себя не хвалю за то, что допускал нарушения. И бывало это частенько, в том числе не только здесь, на Чернобыльской АЭС.

Заслушав все представительства Министерства обороны о состоянии дел, о решаемых задачах и особенно о проблемах, я хорошо «вооружился» к совещанию у председателя Правительственной комиссии, где и выступил с конкретными предложениями (они вырисовывались еще при первом моем заезде) об улучшении взаимодействия группы Министерства обороны, держателя основных сил и средств на тот час, с другими министерствами и ведомствами. Многие работы выполнялись или совместно, или только силами Министерства обороны по заказу другого министерства. В этот раз на совещании у И. С. Силаева присутствовал «кворум» и мне довелось познакомиться со всеми. Я сообщил им, что любой вопрос, любую проблему нужно передать к нам в Оперативную группу. Через каждые два часа я звоню туда, мне докладывают эту просьбу с уже наведенными по ней справками, я принимаю решение, и в этот же день вопрос начинает исполняться, о чем сообщается заявителю.

На совещание к председателю Правительственной комиссии я брал генерала Кунцевича и полковника Разуванова. Сразу после совещания мы отправились на АЭС. Во всех административных ролях в то время на станции выступало одно лицо — главный инженер АЭС Штремберг. Он кратко, в популярной форме рассказал, как они дожили до такой жизни. Оказалось, что дежурная смена инженеров решила провести эксперимент (кстати, с этой идеей носились давно). Суть его сводилась к тому, что они хотели определить наивысшие параметры напряжения работы реактора, при котором можно максимально снимать количество электроэнергии.

Главный инженер с удовольствием сопровождал нас по всем блокам. В огромном, очень длинном светлом зале, на равном удалении стояли реакторы, а перед ними и рядом— турбины. Все строго, аккуратно и понятно.

Четвертый блок уже был бутафорно отгорожен. Поэтому мы туда зашли особо. Главный инженер поставил нас на площадке, откуда было видно все, и сказал: «Не задерживайтесь. Идет излучение в несколько сот рентген в час!» Сам встал в каменный простенок. А через 20—30 секунд сказал: «Надо идти». И мы тронулись в обратный путь.

Дорогой я думал об увиденном и о создании защиты для тех, кто будет здесь работать по локализации кратера, о создании роботов для сбора особо опасных элементов территории АЭС. Угадывая мои мысли, главный инженер по мере нашего движения к его кабинету стал высказывать свои соображения: «Если мы не уберем куски твел и других элементов на земле вокруг станции, мы ничего не сможем сделать». В этом же духе он говорил еще минут пятнадцать, уже находясь в кабинете. Я сказал, что усвоил все и оставляю пока здесь для детального изучения обстановки полковника Разуванова. Затем сюда переведем Оперативную группу Министерства обороны со средствами связи, чтобы можно было говорить с Москвой. В ее подчинении будут силы и средства для проведения работ. Надо организовать здесь пункты помывки личного состава, пищеблоки, санузлы, медпункты и места для дневного и ночного отдыха.

Мы с Кунцевичем уехали в Чернобыль, а Разуванову оставили «уазик». Но мысль о том, какая громадная беда свалилась на плечи нашего народа, не покидала меня ни на минуту. Однако вздохами не поможешь, надо работать, и работать капитально, чтобы хоть как-то смягчить эту беду. Уже начали «закипать» соседние страны, даже Скандинавские.

К 18.00 я успел вернуться в Чернобыль в Оперативную группу, где уже все собрались для получения конкретных задач.

Структура сил и средств Министерства обороны, находящихся в районе катастрофы, представляла следующее.

Руководство всеми силами и средствами военных осуществляла Оперативная группа Министерства обороны, у которой для этой цели был штаб и Научный центр. В штаб, кроме операторов, которые работали по направлениям (по военным округам и объектам), входили еще и службы центрального подчинения: химическая, ВВС, отдельно дорожностроительная, техническая, связи, тыла, медицинская служба, управление строительством и расквартирования войск.

Научный центр работал в тесном взаимодействии со штабом Оперативной группы, и часто не только не ограничивался разработкой способов и методов проведения дезактивации какого-нибудь объекта или населенного пунк¬та, но и занимался непосредственной организацией и проведением этих работ.

Объектом номер один во всей нашей деятельности, конечно, была АЭС. Затем шли три сектора, на которые разбили всю зону в радиусе 30 километров вокруг АЭС. Оттуда эвакуировали население и требовалось проводить дезактивацию домов (внешне) и территории населенного пункта. За каждым сектором был закреплен военный округ: за восточной и южной частью зоны — Киевский военный округ; за западной — Прикарпатский военный округ; за северной частью зоны — Белорусский военный округ. Еще одним важным направлением было строительство нашими инженерными войсками гидросооружений, обеспечивающих защиту воды в бассейне реки Припять. Итак, всего пять важнейших оперативных направлений, которые прямо относились к разделу «Ликвидация последствий». Ниже мы разберем подробнее, как конкретно выглядело наше участие. Но, кроме этого, было полно и других забот. Расскажу об одной из них — обустройство всех прибывших войск, учитывая, что им придется зимовать.

Фактически на каждую бригаду и полк приходилось строить отдельный военный городок, который включал в себя казармы (это были или бараки из сборно-щитовых элементов, посаженных на бетонный фундамент, или двойные утепленные большие палатки), в которых личный состав, как правило, располагался в одном ярусе. К каждой казарме была сделана кирпичная пристройка, где размещался отличный санузел (умывальник, туалет, душевые установки). Столовые-клубы собирались из крупных металлических арочных элементов и состояли из обеденного зала на весь полк в одну смену. К этому залу с двух сторон примыкали две пристройки — с тыла кухня со всеми цехами и офицерской столовой, с фронта — кинобудка, так как столовая использовалась и под клуб (в некоторых частях клуб строили отдельно). Спортивный зал был такого же типа, как и столовая, рядом с ним располагались спортивные гимнастические и игровые площадки. Непременным атрибутом были комбинат бытового обслуживания и санитарной обработки, где солдат ежедневно после работы должен был привести себя и свое обмундирование в порядок, очистив от загрязненной пыли, а также помещение для медпункта и библиотеки. Наконец, в отдельно выделенной со своим въездом парковой зоне располагались боевые, специальные и транспортные машины — открыто, поротно и побатальонно, с табличкой над каждой машиной (ее номер и фамилия водителя). В парковой зоне строились: стационарные контрольно-технический пункт и пункт радиационного контроля, заправочная станция, а при ней склад горючесмазочных материалов, пункт технического обслуживания, где проводились ремонты до среднего включительно, и, наконец, пункт холодной и горячей мойки машин (правда, горячая мойка была не в каждом полку). Если машина прибывала со значительно превышающими нормы уровнями радиации, то ее отмывали до тех пор, пока она не переставала излучать.

Что касается складов, то мы их размещали тремя группами: продовольственные — в тылу за столовой; вещевые— рядом с комбинатом бытового обслуживания; материально-технические — на территории парков.

Естественно, все военные городки были ограждены, имели добротные приветливые контрольно-пропускные пункты. При въезде в военный городок был обязателен строевой плац со всеми атрибутами — полосой с твердым покрытием для прохождения торжественным маршем, чтобы именно торжественно, каждый день отправляться на поле «боя», как 7 ноября 1941 года с Красной площади уходили в бои под Москвой. Здесь же были трибуна, наглядная агитация и, конечно, вымпел с Государственным флагом СССР.

Неподалеку от въезда в часть располагался штаб. Здесь же находился и переговорный телефонный пункт для личного состава. Не только офицер, но и солдат в любое время мог поговорить со своими близкими. Забегая вперед, должен сказать, что конец июня и начало июля особо отмечались «наплывом» родственников. Они ехали со всей страны. И каким-то образом находили часть, где служит их сын. Приходилось кое-где рядом с военными городками разбивать небольшой лагерь с минимальными коммунальными услугами: палатка на двоих, койки, постели, тумбочки, туалеты, водоснабжение для бытовых целей. В общем, мороки с ними было много, но в итоге, когда они группами под руководством офицера штаба в порядке экскурсии осматривали условия жизни и быта своих сыновей, то успокаивались и потихоньку разъезжались.

Военные городки, конечно, испытывали трудности с электро- и водоснабжением. Но со временем проблемы были решены. Личный состав, как правило, пребывал у нас в условиях, которые сами по себе уже обязывали каждого отдавать все силы и знания на оказание помощи своему народу.

Решение вопроса обустройства войск хоть и было делом очень сложным, но оно составляло лишь одну, не самую большую часть наших забот и труда. Основное, конечно, было на перечисленных выше пяти направлениях.

Атомная электростанция.

Несомненно, главную скрипку здесь старалась играть элита наших ученых во главе с А.П.Александровым — президентом Академии наук Советского Союза и его академики. Однако, не дождавшись от них четких и ясных решений, что же делать с реактором и тем ураном, который там остался, Минсредмаш, набрав еще при министре Ефиме Павловиче Славском мощные обороты, сейчас поддерживало инерцию работы. Совместно с Минэнерго выработали пути действий и выступили в роли мастеров, а мы, военные, в роли подмастерьев. Но это относилось только к четвертому реактору. Что же касается всего остального на АЭС, то там действовали в основном только военные или военные совместно с кем-то еще.

В подвале (а он был жилой) административного здания АЭС мы расположили Оперативную группу от нашего Чернобыльского штаба со всеми средствами связи. Здесь было все для жизни, быта и боевой деятельности.

Первые шаги по «уборке» территории АЭС налаживались очень тяжело. Но когда все-таки у наших военных инженеров, инженерных войск и специалистов химических войск появился наконец танковый тягач с мощнейшей лобовой броней, экраном телеобзора местности и сильной длинной и гибкой «рукой», которой можно было подбирать особо опасные элементы и складывать их в контейнер, а затем перевозить контейнер в могильник здесь же, в тылу АЭС, — это уже была победа. И очистку мы вели от менее сложных операций к более сложным: вначале подчистили с восточной стороны, где радиация выше 5—10 рентген/час не была (но читатель должен знать, что и это смертельно); затем переключились на северную дорогу, где уровни доходили до 120—150 рентген/час; и, наконец, самые опасные — южная и западная часть: здесь зашкаливало за 1000—1500 рентген/час. Особенно сложно давалась очистка по железной дороге, что находилась перед главным производственным залом ближе к «рыжему лесу» — так мы окрестили относительно молодую сосновую рощу, которая шла почти от левого крыла главного корпуса (т. е. от 4-го аварийного блока) на юго-запад. Эта сочная, темно-зеленая роща на глазах стала чахлой и рыжей, фактически умерла, но продолжала стоять.

Не дожидаясь, когда уберут излучающие элементы со всех сторон АЭС, мы приступили к дезактивации местности там, где уже не было большой опасности. Я лично обошел эти восточные и северные дворы и отдал распоряжение о срезе грунта на 30—40 сантиметров и затем захоронении его в могильнике. Все асфальтированные дороги мылись растворами, и всё, что смывалось, отправлялось в ямы-могильники, которые затем предполагалось забетонировать. По мере снятия грунта и очистки территории от излучающих элементов... сюда завозились и укладывались по всей территории монолитные бетонные плиты.

Первые наши замеры показали: результаты отличные, но еще безопасность людей в должной мере не обеспечена. Давали знать о себе элементы, выброшенные взрывом из реактора и заброшенные на крыши практически всех зданий АЭС и даже на технические балкончики вытяжных труб, смонтированных на двух уровнях, да еще и с ограждающими их перилами. Там оказались даже куски твел. Естественно, они «светили» не на метры, а на километры. Поэтому, приезжая на АЭС, старались останавливаться и затем ходить так, чтобы тебя «не видела» труба (на войне знаешь, где засел снайпер противника, поэтому передвижения должны быть с учетом его охоты за тобой).

Вместе со специалистами Минсредмаша наши военные «золотые головы» и бесценные руки наконец дошли до создания робота с управлением его действиями из защищенного пункта управления на значительном расстоянии. Вначале, правда, пока еще не на таком, как хотелось бы. Но и это шаг! В

итоге мы, конечно, смогли убрать непосредственно с территории АЭС все, что угрожало, затем начали обмывать все здания снаружи. Одновременно проводили дезактивацию и внутри помещений. В итоге у нас получались изумительные результаты. В районе 1-го и 2-го реакторов радиационный фон стал меньше, чем был до аварии.

Большую проблему для нас представляла складская промышленная зона, где были сосредоточены на значительной территории строительные материалы, металлоконструкции, различное железо, рельсы и т. д. На эту территорию после взрыва попало тоже изрядно зараженных материалов. Организовывать какие-то активные действия на этой территории было невозможно, но ее надо было нейтрализовать. Приняли решение залить ее с вертолетов сплошь клейким составом, после чего никакой ветер с нее ничего не сдует, а что прилетит, то прилипнет. Кроме того, провели детальную разведку по этой территории и засекли точки, которые особо «светят». Затем их забросали мешками с песком, а складскую территорию отделили от производственной стеной из бетонных блоков.

Когда все здания АЭС помыли снаружи вторично (внутри мы мыли раз 10—12), а снятый верхний слой грунта на всей территории АЭС убрали в могильники и уложили бетонные плиты, провели генеральную промывку всех дорог и этих плит. После чего уложили второй слой бетонных плит. А колодцы, куда стекала после помывки вода, были забетонированы. Вот теперь здесь можно было ходить босиком и в майке.

Какой это был труд! Полковник Разуванов стал синий от напряжения и бессонных ночей. Он фактически жил на АЭС безвыездно. Да и не только он. Большая часть Научного центра МО трудилась именно здесь. А бригада химзащиты Киевского военного округа была главной и решающей силой по проведению всех работ на АЭС. Уборка особо опасных элементов — это предел риска и самопожертвования. Такими были действия офицеров и солдат инженерной бронетанковой и химической служб. Наши мощные вертолеты МИ-26, набирая тонны балласта, сбрасывали его в эпицентр 4-го блока. А затем они же «поливали» складскую зону. Заодно я распорядился «подлакировать» развалины блока, чтобы пыль от него не распространялась повсеместно. Это же сделали и с «рыжим лесом». Интересно, что много лет хвоя с ветвей не падала, хоть и засохла — возможно, от этого ее удерживал наш «лак»?

Весь остаток мая основные усилия мы сосредоточили на АЭС. Но когда я почувствовал, что работы здесь приобрели системный характер, то начал заниматься всеми тремя секторами, начиная с Белорусского.

Как-то летел с группой офицеров в Белорусский сектор. Вместе с нами отправился в путь академик В. А. Легасов, к которому я питал особое уважение за его глубокие мысли и манеру держаться просто и доступно, а также за способность в любое время обсудить интересующий вас вопрос. Возможно, меня еще подкупала в нем не просто искренность, но и глубокая душевность, когда он давал оценки действиям наших воинов. Они действительно заслуживали всяческого уважения.

Правда, я таким же образом относился и к академику Анатолию Петровичу Александрову. Он часто бывал на заседаниях коллегии Министерства обороны, приезжал по делам к министру обороны или к начальнику Генштаба (последний меня всегда приглашал на такую встречу). Анатолий Петрович нередко вспоминал о войне, о своих открытиях в области вооружений (особенно для Военно-Морского Флота). У него всегда были разумные взгляды и на современные виды оружия.

До событий 1991 года у меня были ровные отношения и с академиком Евгением Павловичем Велиховым. Одно время нам суждено было даже вместе возглавлять весьма важную государственную комиссию (в основном ученых и промышленников), которая несколько дней за Москвой заседала в бункере, принимая важное решение. А решение не только стоило многих миллиардов, но и определяло общую стратегическую линию нашего военно-промышленного комплекса (речь шла о том, какие должны быть у нас предприняты ответные меры на декларирование американцами своей программы СОИ). Тогда Велихов занимал правильную позицию, а затем у Евгения Павловича начались изломы во взглядах, в своих принципах. То ли на него подействовали отрицательно события последнего десятилетия, то ли американцы как-то заарканили его и подтянули к себе, то ли были другие причины... В общем, он стал больше смотреть по ту сторону.

Нормальные у меня были отношения и с академиком Письменным, который всегда действовал совместно с А.П.Александровым. Но академика Флерова я так понять и не мог.

А вот с В. А. Легасовым мы сошлись сразу и очень часто вместе бывали в поездках. И на этот раз в Белорусский сектор мы отправились вместе с ним. Есть такая категория людей, в которых я видел безусловных сторонников моих принципов и идей. У меня не бывало с ними каких-либо объяснений или дискуссий. Я этих людей просто чувствовал. Чувствовал и понимал, что в рамках сложившейся политической ситуации внутри страны с ними можно говорить откровенно. То есть рассуждая в целом

откровенно, не переходить тот рубеж, который бы ставил собеседника в неловкое положение, вроде вопроса в лоб: «Вы за красных али за белых?» А он, может, сам за себя.

— Валерий Алексеевич, — начал я издалека, — я сейчас служу за рубежом — в Афганистане, вы знаете. И нам, находясь в чужой стране, глядя на свое Отечество со стороны, просто удивляться приходится — что дома происходит? Порой в газетах можно встретить такие статьи, да и по телевидению услышать такие речи по поводу жизни советского народа, что самые отпетые наши враги могут им позавидовать. Откуда все это вдруг потекло-полилось? Вам, наверное, виднее все эти процессы...

— Так у нас же теперь гласность и демократия, — улыбаясь одними глазами, заметил академик, давая тем самым понять, что собеседник может продолжать высказываться.

— Верно! И я поддерживаю этот курс. Но если говорить о гласности, то она должна быть для всех, а не для избранных. Мне довелось быть на XXVII съезде от начала до конца. И весь дух съезда, на мой взгляд, именно этим и был наполнен — говорить всю правду, а не полуправду. Следовательно, если обсуждается какое-то общественное явление, то в равной степени должно быть предоставлено слово тем, кто положительно оценивает и кто отрицательно характеризует это явление. А мы в положении гоголевской унтер-офицерши. Вот сейчас, буквально через полтора месяца после съезда, стряслась беда, которую, на мой взгляд, мы еще толком не оценили. Какая должна быть принципиальная позиция всего общества? Сплотиться! Как на войне. А у нас идет сплошная демагогия, какие-то разборки. И думаю, что тон такому деловому разговору должны были задать ученые. К ним прислушиваются, более того, события в Чернобыле ближе к компетенции ученых.

— Полностью согласен. В условиях катастрофы, конечно, мы должны мобилизоваться и максимально вложить свою энергию в локализацию всех процессов. Очевидно, в средствах информации в рубрике «Чернобыльская АЭС» надо давать народу более широкую информацию, что конкретно делается на станции и в окрэге. Среди людей не должно быть безразличных, тем более что наша экономика требует побольше крепких и добрых рук. Что касается роли и места наших ученых, — Легасов решил меня деликатно поправить, и правильно сделал, — то они уже определились, и от каких-либо выступлений и заявлений в печати, думаю, их надо уберечь. Мы ведь можем поднять такую никому не нужную дискуссию, что она только отнимет силы и время. Думаю также, что надо больше слова сегодня давать практикам-промышленникам. Надо популяризировать героический труд наших воинов при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

— 14 мая Горбачев в своем обращении по телевидению дал оценку событий в Чернобыле. Кстати, он назвал число погибших — 9 человек. А фактически погибло 20 и более 200 госпитализировано. Но самое главное — из его обращения следует, что, оказывается, мы не видим серьезных последствий этой аварии, так как их не может быть. Честно говоря, я был крайне удивлен. Возможно, это был политический шаг, связанный с решением Европейского экономического сообщества временно прекратить экспорт товаров и продовольствия из СССР и даже из некоторых стран Восточной Европы. Я думаю, Горбачеву надо было найти какие-то другие аргументы. А так получается, что все в мире обеспокоены аварией в Чернобыле, кроме нас.

В. А. Легасов, естественно, молчал. Не критиковать же ему генсека! В моих рассуждениях, собственно, критики тоже не было. А было лишь не совсем лестное высказывание в адрес Горбачева. Хотя на критику генсека я к тому времени уже имел право: в декабре 1984 года на заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану, еще будучи вторым секретарем ЦК, Горбачев заявил, что надо немедленно принимать меры и выводить войска из Афганистана, решая проблему политическим путем. Но закончился 84-й, прошел 85-й, прожили уже половину 86-го года, а «воз и ныне там».

— Чувствую, что вам, Валерий Алексеевич, не нравится тема о гласности и демократии. Готов обсудить наши чернобыльские дела. Хотя я относительно демократии придерживаюсь очень четких убеждений: чем выше социалистический строй — тем выше требования к государству в части соблюдения им законов, в свою очередь, должны быть выше требования к гражданам по выполнению ими своих обязанностей по отношению к государству и обществу. Другими словами — чем выше мы поднимаемся в социалистическом развитии, тем более совершенными должны быть и люди, и государство. Демократия — это не игра в вольность и анархию.

На мой взгляд, выплеснутая в народ еще Н. Хрущевым эта болезнь («игра в вольность») все время бродила в обществе, постепенно проходя многолетний инкубационный период. Я против, так сказать, казарменного коммунизма, как модно стало сейчас говорить в печати, но я еще больше не приемлю вакханалию в обществе. То, что произошло на Чернобыльской АЭС, — это проявление лишь толики брожения в умах людей. Вроде с благими намерениями, но специалисты станции перешагнули через каноны, которые регламентируют жизнь АЭС. А в настоящем демократическом обществе этого не должно быть. Такое может иметь место в анархическом обществе. Дисциплина должна быть

обязательной для всех, она предполагает подчинение всех установленному порядку. Это отнюдь не угнетение личности, как некоторые «демократически» настроенные публицисты выпячивают это в своих опусах в угоду Западу.

Поговорим теперь о наших земных делах. Какая, на ваш взгляд, перспектива с Чернобыльской АЭС? Постоянная помывка всех зданий снаружи и особенно внутри коренным образом изменила ситуацию для продолжения дальнейших работ. А меры, принятые нашими угольщиками, Минсредмашем и Минэнерго под четвертым реактором, позволяют делать вывод, что настало время приступить к строительству для этого блока мощного саркофага. Но мне кажется, по этому поводу будет еще не один сбор. Дело в том, что нет единства взглядов между академиками Александровым и Велиховым. Почему?

— Анатолий Петрович утверждает, что бетонировать и строить саркофаг уже можно, а Евгений Павлович говорит, что этого делать нельзя, будто в бетон могут попасть частицы, излучающие радиацию, и мы создадим, мол, такое сооружение, которое само будет представлять опасность.

— А вы за какой вариант?

Легасов, не задумываясь, ответил:

— Несомненно, саркофаг строить надо, и чем раньше, тем лучше. А чтобы не было каких-либо тревог и сомнений типа тех, что у Велихова, надо определить четкие нормы и условия выполнения работ и создать жесточайший контроль за их выполнением. Тогда все будет нормально. Мы же в свое время задались целью — любой ценой погасить пожар в реакторе и приглушить брожение-реакцию, которая имела место с горючим (ураном). Мы поставили такую цель и добились ее выполнения. Благо наши вертолетчики в буквальном смысле ювелиры: огромное количество мешков с песком высыпали точно в кратер.

Песок — это лучший физико-химический фильтр. Он связывает аэрозоли и радиоактивные газы. Кроме того, расплавляясь, он обволакивает уран, снижает температуру, проникает в нижние этажи и создает необходимую «подушку». А чтобы одновременно поглощались свободные нейтроны, мы забрасывали вместе с песком борную кислоту и доломитовые глины. Особый разговор о свинце. Я настоял на его применении, потому что это средство, которое решительно снижает температуру в активной зоне. Я понимал, что часть этого свинца могла парами выделяться в «дыхании» четвертого реактора. Но мы должны были выбрать меньшее зло: либо мы применим все средства и гарантированно добьемся погашения активной зоны, либо будем ждать, когда произойдет новый взрыв, — ведь никто не мог даже предположительно сказать, сколько осталось урана в реакторе. А что такое еще один взрыв, а может, и не один?! Да еще и неизвестно какой мощности. Взрыв может разнести остальную часть АЭС, принести колоссальные жертвы, и весь адский труд, который мы сюда вложили, улетит, как дым. Взрыв повергнет в шок всех — и правительство, и ученых, и промышленников, и военных, а мир скажет, что СССР совершенно не способен управлять процессами ядерной реакции. А ведь это не так. И первую АЭС создали именно мы, т. е. Советский Союз, создали и продемонстрировали миру способность управлять ядерными процессами.

Кое-где можно встретить вдоль дорог посадки фруктовых деревьев, но их плоды для пищи непригодны, так как в их составе большое количество свинца, который микроэлементами выделяется у автомобилей вместе с выхлопными газами. Но со временем придорожная зелень все это приобретает в таких концентрациях, что эти яблоки или сливы становятся ядом. Так же, как и молоко у коровы, которую выгоняют пастись по кюветам магистральных дорог (в траве тоже много свинца). В результате заброски сотен тонн свинца в четвертый реактор выход plumbuma с парами и дымом, конечно, в тысячи раз больше, чем у дорог, и мы это знаем, но просто иного пути у нас не было. А вот цели своей мы достигли — зону погасили, — рассуждал Легасов.

— Верно, верно, Валерий Алексеевич, это ахиллесова пята для всех последующих действий. Мы полностью поддерживали и разделяем сейчас это решение. Но, возможно, уже на сегодняшней стадии можно было бы ограничиться (и то, если обстановка требует вмешаться) только песком. Мы уже у себя в Научном центре этот вопрос обсуждали, и наши ученые склонны именно к такой позиции, — заметил я.

— Да и я с ними общался, в том числе с Федоровым, Разувановым, и у нас единое мнение.

Контактируя с такими учеными, как Валерий Алексеевич Легасов, не только обогащаешься знаниями, но и одухотворяешься. Вообще приятно общаться с культурным, эрудированным и порядочным человеком. А как интересно, поистине вдохновенно проводил Легасов беседы с офицерами или солдатами! Во-первых, разговор шел только на равных! При этом он, Легасов, задавал тон и вел беседу тонко, понимая, с кем имеет дело, но не заигрывая с ним и не подыгрывая ему. Наоборот, разбирая методы, например, дезактивации зданий, различных помещений, территории, он убедительно и настоятельно

рекомендовал выполнять необходимые условия, перечислив их, так же как и соблюдение мер предосторожности, ведения контроля и учета за облучением. Это педагог высшего класса.

Взгляды Валерия Алексеевича и близко не попахивали космополитизмом, хотя он полностью был за соблюдение общепринятых мировых канонов. А вот у некоторых других ученых уже проглядывали симптомы космополитизма. Тем более что почва для него старательно удобрялась Горбачевым и Яковлевым. Кстати, когда я употребляю фамилию «Яковлев», то, разумеется, делаю такую «любезность» только А. Н. Яковлеву, все остальные яковлевы — это тоже фигуры в «нашей демократии», но они сегодня значительно, на несколько порядков, ниже, хотя, возможно, и масоны и находятся в особой папке в ЦРУ, являются близкими в кругу бжезинских, перед ними снимают шляпу горбачевы, ельцины, гайдары, шахраи, шумейки, бурбулисы, шеварднадзе и прочие поповы гавриилы харитоновичи. Естественно, среди яковлевых есть и настоящие люди, патриоты, выдающиеся личности. Например, Александр Сергеевич Яковлев — генерал-полковник, дважды Герой Социалистического Труда, авиаконструктор; или Иван Кириллович Яковлев — генерал армии, прошел всю Великую Отечественную войну, после войны командовал полком, дивизией, был начальником управления в Главкомате Сухопутных войск и заместителем командующего Московского военного округа и, наконец, командовал внутренними войсками МВД — на всех постах проявил себя блестяще, служил на благо Отечеству. Можно было бы еще перечислять (маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев и др.), но хотелось бы отметить, что есть люди, личности, которые на любом изломе остаются самими собой и не изменяют своим принципам. И есть нелюди, для которых все остальные — это стадо. У них нет не только любви к Родине, но и чувства обычного гражданского долга. Они могут предать, продать и разграбить «эту страну», которая их, выродков, породила на свою голову. Наглядным примером может служить ныне несчастная Россия, где так много развелось сейчас перевертышей всех мастей и предателей.

Коль уж я отклонился от основной темы, выскажу еще несколько отвлеченных мыслей.

Любой гражданин, мало-мальски представляющий азы политэкономии и объективно оценивающий предвоенный (хотя бы 10 лет) период, а также непосредственно Великую Отечественную войну и две послевоенные пятилетки, может безошибочно сделать вывод, что Советский Союз— это уникальное государство, в котором все нации, независимо от их веры, уровня развития и культуры, нашли общие идеалы, были монолитно сплочены, а их общественно-политический строй объективно обеспечил им такие темпы и уровень развития экономики, что элита Запада хваталась за голову. Плюс к этому общество обрело такую форму демократического государства, как Советы, которым нет альтернативы и сегодня.

Жизнеспособность такого государства, его способности и возможности развиваться сказочными темпами, конечно, были явно не по вкусу самой богатой капиталистической державе. Приобретя огромные капиталы, элита капиталистического мира решилась пойти на все, лишь бы удержать свой избранный миропорядок. А для этого надо было разрушить Советский Союз изнутри.

Чтобы осуществить эту сокровенную мечту, естественно, надо было, в первую очередь, покончить с той силой, которая привела народ к власти. Это — КПСС. Как? В условиях Хрущева — Горбачева добиться этого было уже и не так сложно. Надо распахнуть в ней, в партии, все окна и двери — пусть валом валят все, и в первую очередь те, которыми можно будет потом манипулировать и затем использовать их в своих целях. Если при Сталине, когда отбор в партию проходил весьма тщательно, проводились все-таки и «чистки», и это, как показала жизнь, был для того времени верный метод сохранения чистоты рядов партии, то после Сталина в партию действительно повалили косяком. Если Великую Октябрьскую революцию в 1917 году мы начинали с Ленинской партией во главе в составе всего лишь 350 тысяч человек (это значительно меньше, чем сегодня КПРФ), то в последующие годы партия росла стремительно, принимая в свои ряды всех и каждого.

В 1941 году, т. е. за 40 лет своего существования, в КПСС было всего лишь около трех миллионов членов партии и 800 тысяч кандидатов в ее члены. В годы войны вступило несколько миллионов, но несколько миллионов коммунистов и погибло. Однако в целом к 1 января 1946 года в рядах КПСС насчитывалось лишь 5,5 миллиона членов партии. Из них одна треть находилась в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. А вот за последующие 40 лет в нее вступило в три раза больше ее послевоенной численности. К концу 80-х годов партия уже была аморфной, бесформенно-расплывчатой, хотя все структуры ее от ЦК до первичной парторганизации вроде бы действовали. И не только потому она стала аморфной, что в ее рядах было около 19 миллионов членов партии (это почти каждый четвертый-пятый из относительно трудоспособного населения), а в первую очередь из-за низкого уровня духовности и идейной убежденности основной массы. Не хочу еще раз раскладывать по полочкам пример с Собчаком, который побыл в партии полтора года лишь для того, чтобы его гарантированно избрали народным депутатом СССР. Ну, вышел из партии так вышел — туда ему и дорога. Но это ведь прецедент! И не один. Действительно, партия стала проходным двором, а членство в ней можно было использовать как ширму для прохождения в депутаты, повышения,

возвышения и т. д. А возьмите «отцов духовных». К примеру, того же Яковлева, к которому КГБ по заявлению председателя комитета имел реальные претензии за связь с ЦРУ США. Однако он в своих руках сосредоточил все средства массовой информации. Ну, на какой патриотизм можно было рассчитывать в СМИ, выпестованных Яковлевым?! Конечно, он подобрал такие кадры, чтобы с их помощью разложить наше общество и в первую очередь КПСС.

Добившись, наконец, с помощью Яковлева и всех им ведомых (Горбачева, Шеварднадзе, Медведева и т. п., а в последующем — Ельцина и его команды) того, что КПСС вышибли из Конституции, где в статье 6-й она значилась как руководящая и направляющая сила нашего общества (что было действительно так исторически), т. е. выдернув стержень, на котором держалось государство, «демократы» начали раскачивать уже и Советский Союз, полностью действуя в границах предписаний ЦРУ на разрушение нашей великой державы.

Добились своей цели — развалили СССР. Но ведь «труд» надо же оплачивать. То, что все главари лично получили свое, в этом никто не сомневается, — с ними поступили «честно» и сейчас «честно» их финансируют. В результате движения по пути «перестройки» и «реформ» в стране не только все разрушено, как хотел того Запад, но Россия еще и влезла в колоссальные долги. Но почему должен страдать народ России? Надо проявить Западу «честность» до конца. Даже бегло сравнивая затраты США и Запада в целом на развал СССР с тем, что предполагалось затратить, видно, что обошлись мизерной платой. Поэтому в сложившихся условиях, конечно, надо простить все долги России. Ведь такой шаг в отношении Польши сделан, хотя у нее «заслуг» значительно меньше.

Это первая мысль.

Вторая мысль — о создании условий для развития интеллекта наших людей. Народы России в целом одаренные, и это должно быть достоянием человечества. Для того, чтобы наши таланты могли раскрыться, конечно, нужны условия. Эти условия были, но сейчас утрачены. Их надо возродить. Не раскрыв талант, которым в потенциале обладает молодой человек, планета тем самым теряет больше, чем если бы, допустим, не был добыт и обработан большой алмаз, который мог украсить корону государства. Родившийся в глубинке и не раскрытый дар значительно большая утрата. Это утрата человечества.

Мне понятен замысел многих воротил, проводящих линию Запада в России на развал, к примеру, металлургии, эксплуатируя все на износ. Но совершенно непонятно, почему Запад хотел бы видеть Россию павшей ниц во всех отношениях. В том числе в области образования и науки. Ведь Запад (рассуждая прагматически) может собирать здесь «сливки». Превращать же Россию в дремучую страну бессмысленно, не выгодно и порочно для Запада. Что же делать? Надо адресно помогать народному образованию и развитию науки в России. Как говорят: «Игра стоит свеч!» Поэтому Западу надо призадуматься. Здесь явно присутствуют его интересы.

Но вернемся к Чернобылю.

Итак, три военных округа разделяли всю зону заражения на три сектора, отдельно шли: Чернобыльская АЭС и строительство гидроочистительных сооружений в пойме реки Припять. Радиационная разведка ВВС ежедневно докладывала свои донесения. Каждый округ в составе своих войск в районе Чернобыля имел воинские части (в основном химзащиты и инженерные). Кроме того, в оперативное подчинение им давалось по несколько специальных полков, которые прибывали сюда из других военных округов (практически из всех, кроме групп войск).

Наладив капитально работы на АЭС, я вместе с Научным центром провел в каждом секторе показные учебно-методические занятия с демонстрацией методов проведения дезактивации населенных пунктов (домов, других сооружений, огородов, садов, прилегающих земель) и соединяющих их дорог. Несомненно, это принесло большую пользу. Наш Научный центр выпустил в помощь войскам необходимые методички. В то время мне постоянно приходилось летать в Белорусский и Прикарпатский военные округа, а в Киевский — выезжали на машинах. Посадку производили в населенном пункте, где стоял командный пункт Оперативной группы округа. Кстати, уже в конце мая везде были построены для вертолетов посадочные площадки из бетонных плит, а вся прилегающая к ним местность, как и вокруг АЭС, облита клейкой жидкостью, поэтому облака пыли при посадке и взлете не поднимались...

Очистка населенных пунктов

Обычно мы всегда кратко заслушивали обстановку, отчет о том, как идет ход эвакуации населения (а если оно уже эвакуировано, то соблюдение режима), каково состояние с дезактивацией. Затем выезжали в населенные пункты, где велись работы. Должен отметить, что значительное количество жителей все-таки не уехало. В основном в возрасте 60—70 лет и старше. Никто их насильно не вывозил, однако рассказывали, какие беды со здоровьем могут случиться. Тем, кто никак не хотел расставаться с

родным домом, давались рекомендации, как вести себя в этих условиях, как поступить с домашней птицей и животными.

Как правило, на наши предупреждения были одни и те же ответы:

— Пусть будет, что будет. Но я из своего села никуда не уеду, прожила здесь со дня рождения и буду жить, пока живется. А ваши советы я учту.

— Если у вас возникнут вопросы или просьбы, то надо будет обращаться...

И далее разъяснялось, где, в каких поблизости деревнях были медпункты, почта, телефоны (в том числе междугородние), продовольственные ларьки (специализированные) и, наконец, районная администрация. Люди весьма внимательно относились ко всем разговорам. Между населением и войсками были отличные контакты. Солдаты по-хозяйски ремонтировали, что могли, особенно изгороди. И даже кое-где во дворах ставили (врывали в землю) деревянные столы и скамейки — благо имелся строганый пиломатериал.

Несмотря на внешнее спокойствие, которое проявлялось оставшимися жителями (приблизительно одна семья— старик и старушка — на 10 дворов), они все-таки частенько приглашали к себе, чтобы проверили приборами радиационный фон.

— Сынки, — обращалась хозяйка к солдатам, — пойдите в мой огород, пошукайте там Родиона.

— Радиация это, бабушка, а не Родион.

— Та хай ему грец, — продолжает бабуся, — он это или она, мне надо знать, что у меня в огороде.

Группа отправлялась к просительнице. Выкашивали бурьян, высокую траву, вырубали ненужные кусты, собирали весь мусор и зарывали в яме, которую делали заранее в конце огорода. Проводили осмотр приборами жилого дома, сарая, двора и затем приступали к главной работе — очистке.

Дома у всех в основном были добротные, и их наружная помывка особых проблем не представляла. Выкапывали только вокруг сточные канавки, которые затем зарывали. А вот с сараями часто была морока, потому что у многих крыши были из камыша или соломы, а в них-то как раз и задерживались зараженные пылинки. Такое покрытие надо было снимать и закапывать. Но хозяин или хозяйка категорически не соглашались лишиться привычной крыши на сарае, приходилось находить решения. Чаще всего строили деревянные крыши.

Хорошо, когда село стояло на магистральной дороге с асфальтовым покрытием — его обмывали раствором, а прилегающие к нему земли авторазливочная станция обливала соответствующим клейким раствором. Сложнее, когда село находилось в глубинке и через него проходила грунтовая дорога. Здесь приходилось возиться капитально.

Всего у каждого военного округа, привлеченного к работе, было в пределах 90—100 сел, и все они требовали своего решения. В каждом (или почти в каждом) находилось несколько семей. Конечно, забота об этих людях — сфера обязанностей местных органов власти. Но пока они сами находились в шоковом или подвешенном состоянии, военные, как могли, помогали населению. Но делать это в тех условиях было очень сложно.

Были у нас, конечно, и неприятные истории. О некоторых из них придется рассказать.

Например, о желании руководства Украины построить за счет союзных средств канал. Поскольку большие площади на севере и северо-востоке от АЭС были заражены, а бассейн реки Припять располагался именно здесь, предлагалось построить канал в несколько сот километров, который бы перехватывал воды всего этого района и не допускал сброса загрязненных вод в Днепр. Сторонники строительства канала аргументировали эту идею тем, что ниже по течению Припяти и без того все загрязнено, канал же значительную часть зараженных вод брал бы на себя. К тому же его можно было бы использовать и в народно-хозяйственных целях, то есть сделать судоходным и соединить с Днепром. Однако для очистки его вод нужна была сложная промышленная система. Все это требовало много времени, больших сил и выходило стране в копеечку! Но самое главное — он, этот канал, был совершенно не нужен. Я дважды ездил к Щербицкому и рассказывал об этом. Один раз в присутствии предсовмина Украины Ляшко поведал, как и в какое время произошла катастрофа, о том, что поднявшееся над АЭС зараженное-загрязненное после взрыва облако упало на вешние воды Припяти, которые в это время были самыми большими, и потому всё страшное уже ушло в Днепр. Как можно подробно рассказал о плане строительства различных гидросооружений на самой Припяти и ее притоках с установкой различного рода фильтрующих плотин и просто фильтров. Планировалось также

поднять дамбы, ограничивающие русло Припяти до уровня, который был бы выше самых больших паводков.

Вопрос о строительстве канала не раз обсуждался у нас в Чернобыле на правительственной комиссии, и все единогласно считали, что это ненужная затея. Наконец украинские товарищи вопрос этот сняли.

Второй случай был связан с одним крупным днепропетровским предприятием (не называю точного адреса, дабы не поставить коллектив завода в неловкое положение).

Дело в том, что наш Научный центр развернул кипучую деятельность по отысканию наиболее эффективных материалов — абсорбентов, которые бы активно поглощали (присоединяли к себе) образованные радиацией нуклиды — зараженные частицы различных элементов. Такая лаборатория была организована генералом А. Федоровым прямо на берегу водохранилища АЭС. Какие только материалы не испытывались! Вплоть до армянского туфа.

Об этих поисках стало известно и упомянутому заводу, и он вышел с инициативой использовать в качестве абсорбента золу, которая у них остается в результате отработки руды. Заводчане прекрасно знали А. Федорова: в свое время он в Днепропетровске командовал армией, а затем в Киеве был начальником штаба округа, поэтому они рассчитывали на его содействие, в то же время устроили своей золе отличную рекламу — лучшего средства для нейтрализации загрязненной территории, чем зола этого завода, нет! К тому же продают по дешевке, но вывозить ее нам придется своими средствами: можно железной дорогой, а со станции — самосвалами.

Мне доложил А. Федоров:

— Нажимают изо всех сил: «Ведь для дела предлагаем!»

— А вы сопоставляли их золу с нашим основным материалом — песком?

— Конечно, разницы почти никакой.

— Надо отказаться, и пусть они успокоятся. Видно, у них этой золы в избытке.

— Вы правы. Я уже выезжал к ним — все дворы забиты.

Конечно, подозревать днепропетровских товарищей в том, что в тяжелое для страны время они хотели бы нажиться на горе, мы не имеем никаких оснований, но сбагрить под шумок свою золу — такое поползновение было. Однако не прошло.

За два с половиной месяца пребывания в Чернобыле трижды я выезжал в Москву на заседание Оперативной группы Политбюро ЦК. Обычно приезжал накануне, вместе со своими товарищами готовили к выступлению начальника Генштаба С. Ф. Ахромеева — выясняли с ним все вопросы, если требовалось — поправляли наши карты, схемы. А на следующий день я вместе с Сергеем Федоровичем, а также другими товарищами присутствовал на этом слушании. Докладчиков было много. Один раз заседание вел Н. И. Рыжков и два раза — Е. К. Лигачев. Мне показалось, что Николай Иванович больше склонял заседание к нашим практическим делам и особенно к тому, как намерен он решать задачи, что нас ждет, какие меры следует принять. А Егор Кузьмич упор делал на познавательную сторону, перебивал выступающих (у него вообще это в манере), тут же давал слово другому. Внешне заседание проходило живо, но все приобретало форму незаконченности. Правда, военных Лигачев не перебивал.

После этих поездок я не чувствовал себя обогащенным. Помню, в бытность командующим войсками Прикарпатского военного округа я приезжал, как и все командующие, на совещание к министру обороны, получал весьма конкретные и четкие задачи. Тогда же определялся порядок их выполнения и во имя чего все это делается. Уезжая к себе в округ, знал, что конкретно мне надо делать и даже каким методом (хотя последнее не сковывало собственных инициатив). Все было ясно. А здесь возвращаешься «к себе» в Чернобыль — и не только нет никакой ясности, но чувствуешь себя обворованным — ухлопал целых два дня, хотя там вполне могли бы обойтись и без меня. Дали лишь один раз выступить по оценке обстановки. На мой взгляд, главенствовала не столько деловая озабоченность в связи с обстановкой на АЭС, сколько состязательность между ведомствами. Не знаю, может, в верхнем эшелоне и ставилась такая цель, но это ничего не давало. Необходимо было взаимодействие, а не соревнование, кто эффективнее доложит.

Единственно, чем я оставался все-таки доволен, так это тем, что руководство страны обогащалось достоверной информацией, это позволяло ему правильно ориентироваться в перспективе и принимать нужные решения.

Фактически все действовали на основании тех решений, которые принимались Правительственной комиссией на месте, в Чернобыле. Мы же там все больше отлаживали систему взаимоотношений и взаимодействия, иногда даже подкрепляя ее различными документами. Вот некоторые примеры.

На АЭС одновременно работало несколько научных коллективов — от каждого ведомства. Все «изобретали велосипед»! Военные неоднократно ставили вопрос об объединении их усилий — быстрее достигнем цели. Нас поддерживал директор АЭС. Однажды председатель Правительственной комиссии (на этот раз — Владимир Кузьмич Гусев) на очередном заседании зачитывает заявление директора:

«Председателю
Правительственной комиссии
тов. В. К. Гусеву

В настоящее время методическое руководство работами по дезактивации и связанными с этим задачами поручено Минсредмашу, Минэнерго и МО. От Министерства обороны в особой зоне руководство осуществляет группа Научного центра МО полковника Р. Ф. Разуванова.

Анализ проделанных и предстоящих работ показывает целесообразность объединения всех научных групп в единый научно-технический комитет (НТК) по ликвидации последствий аварии во главе с научной группой полковника Р. В. Разуванова.

Основу группы, владеющей всем ходом работ, составляют следующие офицеры:

1. Полковник В. С. Юлин;

2. Подполковник Ю. Б. Андреев;

3. Старший лейтенант А. В. Шанин.

Необходимо усиление группы дополнительно 15-ю офицерами.

Научно-технический комитет необходимо оперативно подчинить руководству АЭС. Председателем НТК целесообразно назначить заместителя главного инженера АЭС по ликвидации последствий аварии.

Место нахождения комитета определить на АЭС с принятием мер по радиационной безопасности с целью максимального продления времени их пребывания на станции.

Директор АЭС
Э. Н. Поздышев».

(См. А. А. Дьяченко. «Москва — Чернобыль», кн. 1, с. 146).

Добиваясь предельно ясной конкретности в работе и ответственности за ее организацию и проведение, мы, военные, настояли и на заседании Правительственной комиссии и утвердили «Положение по улучшению организации работы на АЭС». Кроме других положений, в четвертом пункте этого документа записано: «Для войсковых подразделений определить работы с конечной целью и соответствующих постоянных технических руководителей от АЭС. При этом указанные руководители должны ежедневно принимать подразделения на работу (постоянно с ними находятся) и сдавать по окончании смены, оценивая работу подразделения, а при необходимости и отдельных лиц».

Это означало, что непосредственно на самой АЭС не только будут совместно вырабатываться методы и способы дезактивации агрегатов, зданий и территории станции единым Комитетом (НТК), но и сама организация и проведение всех работ будут под жесточайшим контролем. Что же касается секторов загрязненной зоны, а также строительства гидротехнических сооружений в бассейне реки Припяти, то эти работы полностью зависели от Министерства обороны и мы проводили их самостоятельно, в соответствии с поставленными Правительственной комиссией задачами. Там же выполнялось и задание по ведению повседневной радиационной разведке.

Когда все работы приняли системный характер, а прибывшие в район катастрофы войска наших Вооруженных Сил были уже в основном капитально устроены по форме лагерного расположения (но оно почти не отличалось от хороших стационарных военных городков), я стал подумывать о перемещении Научного центра поближе и к Чернобылю и к штабу Киевского военного округа. Было перебрано несколько вариантов. После рекогносцировок остановился на доме отдыха «Ирпень». Приняв решение и согласовав его с руководством Украины и Киевского военного округа, а также доложив в Генштаб и получив одобрение, я отдал все необходимые распоряжения.

Жаль, конечно, что я лично не помог Научному центру передислоцироваться и устроиться на новом месте, как в первый раз в Овруче, но на то возникли причины — мне надо было возвращаться в Афганистан. Там с приходом жаркого лета наступила и пора жарких схваток.

Но чтобы покончить рассказ о чернобыльской эпопее, я должен сообщить читателю, что, улетев в конце июля из Чернобыля в Кабул для решения задач в Афганистане, я в конце сентября вернулся обратно и пробыл там весь октябрь. Дело в том, что с наступлением зимы возникли новые проблемы: надо было завершить обустройство войск на зиму, создать необходимые запасы для жизни и деятельности войск, разработать методику ведения зимних работ по дезактивации, уточнить все планы на зиму. Наконец, внести необходимые изменения в планы взаимодействия.

Моя осенняя поездка началась с неприятностей. В 1986 году осень стояла холодная, дождливая, что для радиационной обстановки хорошо, а для людей — плохо. По прилету из Кабула в Чернобыль мне доложили, что прибывший месяц назад (это уже без меня) из Прибалтики полк химзащиты «бунтует». Точнее, у личного состава очень плохое настроение, крайне негативные высказывания, полк плохо устроен, обеспечен, в связи с чем требуются экстренные меры. Я приказал на следующий день, независимо от погоды, отменить все работы и к 10.00 построить весь полк к моему прилету. Буду с ними говорить.

Утром следующего дня — обложной дождь. Видимость плохая. Но мы полетели. В установленное время полк был построен.

Я вышел из вертолета и направился к полку. К сожалению, только в это время понял, что сделал ошибку, которую уже нельзя было поправить: не взял даже легкой плащ-накидки, а одет был в легкое, афганского (и чернобыльского) типа обмундирование, под которым, кроме майки и трусов, ничего не было, плюс полусапожки и фуражка.

Дождь моросил капитально, то усиливаясь, то сдерживая свой напор. Командир полка доложил, я поздоровался громко и четко, но услышал вялый, несогласованный ответ. Командир полка, как бы извиняясь, начал говорить мне, что вынужден всех одеть, так как холодно, всего плюс два-три градуса. Действительно, личный состав был одет в шинели. Сверху на шинели солдаты надели резиновые плащи из комплекта химзащиты, на головы подняли капюшоны, а на ногах — резиновые сапоги. В таком одеянии их никакой дождь, никакой холод не проймет. Я же на этом фоне выглядел довольно странно — приблизительно как купальщик на берегу моря в зимнюю холодную, штурмовую погоду.

Но отступать было некуда. Я сказал о том, что вчера только прилетел из Афганистана и мне доложили ряд писем из полка, в которых солдаты жалуются на бытовые условия и высказывают ряд пожеланий. В связи с этим я заметил, что сначала хочу высказаться по общим и известным мне частным проблемам, а затем, после общего разговора, готов принять персонально каждого, у кого есть вопросы, вот в той большой палатке (я показал, какую именно палатку имею в виду). «Поскольку здесь работал несколько месяцев, с обстановкой знаком, все проблемы мне известны, мы их, конечно, разрешим, — заметил я.— Но я хотел бы обратить внимание личного состава полка на следующее».

И далее я подробно рассказал об обстановке в стране, о том, что народ включился в перестройку с надеждой на лучшее. К сожалению, мы еще не развязали афганский узел, но не теряем надежды. А вот чернобыльская трагедия добавила нам забот, она требует от нас сплочения и мобилизации всех усилий, чтобы бороться с бедой сообща.

Тут из строя послышался выкрик, но я его решительно пресек. Затем еще один демагог начал рассуждать: «Все, что здесь делается, это не наше дело, наше дело в Прибалтике». Я его вывел из строя, поставил рядом и разложил по полочкам перед строем: «А если бы эта беда случилась не на украинской АЭС, а на литовской, не дай Бог? Что, народы Советского Союза, в том числе Украины, были бы в стороне? Нет, конечно, как и сейчас здесь, в Чернобыле, так и в любом случае мы будем действовать только вместе».

И в таком духе мы почти два часа беседовали под дождем. Раскрутив себя внутренне до предела, я не чувствовал «собачьего» холода. На мне не осталось сухой ни одной ниточки, вода с меня буквально лилась. Фуражка стала пудовой, а из сапожек с каждым моим шагом (я, высказываясь, расхаживал вдоль строя) «выстреливали» струи воды.

Я ходил, говорил и одновременно думал о своих подчиненных, которые прилетели со мной и стояли в отдалении группой, напялив на себя плащи химзащиты: неужели нельзя сообразить, что надо хоть для приличия предложить мне плащ. Однако, видимо, из опасения «испортить обедню», никто ко мне не подходил; когда я говорю перед строем — лучше меня не трогать. И это правильно.

Закончив свою тираду, я еще раз напомнил, где буду вести прием по личным вопросам, и пообещал принять необходимые меры. Однако указал, что и личный состав полка тоже должен постараться, в том числе и о своем благоустройстве.

После этого дал команду развести полк по подразделениям, а сам отправился в большую палатку. Там было тепло — «работали» сразу две печки. Несмотря на присутствие солдат и офицеров, я снял фуражку и повесил недалеко от печки, чтобы стекла вода. Расстегнул «молнии» и снял сапожки, демонстративно вылил из них воду, выжал и, пододвинув табуретку, поставил их так, чтобы они сохли. Снял и выжал носки и тоже устроил их рядом с сапогами. Дал команду (сами не догадаются), чтобы принесли два солдатских полотенца. Снял вначале куртку, а затем майку, выжал и их. Куртку и одно полотенце отдал солдату, чтобы он, протирая, ее просушивал. Сам же как следует до пояса растерся. Затем этим же полотенцем протер брюки. Сразу полегчало.

Стал одеваться. Кто-то подал мне сухую тельняшку. Я посмотрел — сержант, улыбается, немного покраснел. А может, мне показалось. В палатке уже было не тепло, а жарко: народу набилось полно. Я поблагодарил его и пожал руку. Надел тельняшку, затем мокрые носки и полусапожки. Надел теперь уже полусухую куртку. Принесли большую кружку крепкого, сладкого, горячего чая. Я сел на табуретку у стола и, обжигаясь, стал попивать этот изумительный напиток. Вокруг в ожидании беседы толпились солдаты и сержанты.

Закончив все процедуры, я усадил к столу своих офицеров и приказал записывать все наши беседы, обратив особое внимание на фамилию, имя и отчество заявителя, его адрес, суть вопроса и принятые мною решения. Объявил это громко, чтобы все знали, как все будет организовано. Добавил, чтобы заявители стали в определенной мной последовательности. При этом полковое руководство отсутствовало, чтобы не стеснять своим присутствием тех, кто хотел бы сделать заявление в их адрес.

И так, не присаживаясь, я провел еще четыре часа. Личный состав попеременно ходил на обед и возвращался, а мы продолжали прием по личным вопросам. Считаю, что это возымело действие. Хотя полк был в целом с «гнильцой» — почти все были призваны из запаса, ощущалось уже и дуновение лжедемократии (этот процесс в Прибалтике начался раньше, чем в остальных районах страны). Командование полка — особенно командир полка, заместитель по политчасти и начальник тыла — было крайне неорганизованное, а ведь решение многих вопросов зависело непосредственно от них.

Под конец состоялись встречи по личным вопросам и с некоторыми офицерами. Разговор получился хороший. В заключение я встретился с командованием полка и командирами батальонов. Откровенно сказал, что многое зависит от них самих, поэтому они обязаны в течение десяти дней обустроить полк и только после этого приступить к работам (полк оперативно подчинялся Прикарпатскому военному округу). Понимая, что в лице командира имею дело с крайне неорганизованным человеком, я приказал временно передать дела начальнику штаба полка, который произвел впечатление делового и способного офицера. «А завтра, — заметил я, — окончательно объявлю вашу судьбу». Начальника тыла и заместителя командира по политчасти, у которых было много упущений, строго предупредил, что через неделю проверю, как они поправляют дела. А остальным офицерам сказал, чтобы они не отгораживались от солдат, тем более таких, как у них, — семейных, которым в основном тридцать и за тридцать лет. С ними надо работать особо.

Уже вечерело, когда я полетел обратно. Дождь продолжался.

Щербина и Легасов — сильные фигуры

На следующий день с утра я встретился с Б. Е. Щербиной. Он был в роли председателя Правительственной комиссии, но уже на постоянной основе. То есть замены уже к этому времени были прекращены. Шло активное строительство саркофага на четвертом блоке.

Учитывая необычную ситуацию в полку, в котором я побывал, рассказал ему все подробности. Внешне он сильно изменился: осунулся, лицо серое, вокруг глаз черные круги, да и глаза стали не такие живые... А ведь недавно был даже румянец. Видно, устал. Человек он исключительно обязательный и крайне активный. Если вцепился — все! Задача будет выполнена. Обладал незаурядными организаторскими способностями. Когда проблема была ему полностью неизвестна — тщательно изучал ее, одновременно решая частные задачи. Его высокая требовательность сочеталась с большим вниманием к подчиненным и всесторонним обеспечением их всем необходимым для выполнения заданий. Это был руководитель высшего класса. Не зря именно на него пал выбор, как на первого председателя Правительственной комиссии. Именно он смог раскрутить на голом месте «маховик» этой комиссии, да еще в условиях, когда все руководство АЭС несколько дней пребывало в шоке и не способно было даже разговаривать.

По ходу моего рассказа он как бы между прочим отпускал оригинальные непарламентские фразы, давая оценку этому и высказывая свое личное отношение. Закончив, я спросил у него:

— Борис Евдокимович, ведь у нас было достаточно частей, которые могли бы справиться с задачами. Зачем вытянули еще этот полк?

— Это я должен у вас спросить — на кой хрен он нужен, этот полк? Ведь с ним будет одна морока. А нам надо, чтобы он дело делал, а не отвлекал нас от работы. Вы спросите у Генштаба — зачем его прислали? Тем более, насколько мне известно, вопрос так вообще не стоял. Хотите, я спрошу — зачем нам эти «партизаны»?

— Да нет уж. Я сам переговорю с Генштабом. Но коль полк оказался здесь, то ему надо поработать.

— А теперь, Валентин Иванович, у меня к вам вопрос из другой области. Вы что, в Афганистане уже решили все проблемы, что летаете туда-сюда, как челнок?

— Дело в том, что я здесь все закручивал, как вам известно, и сейчас, накануне первой чернобыльской зимы, надо, наверное, именно мне проверить готовность.

— Ладно. У меня есть дельное предложение — поехать посмотреть город Припять. Там проведены большие очистительные мероприятия. Наши товарищи предупреждены.

Я согласился, и мы поехали. Борис Евдокимович ударился в воспоминания о том, что и как было, начиная с первого дня. Оказывается, и Правительственнная комиссия первоначально размещалась не в Чернобыле, а в городе Припяти.

— Бестолково всё было — город дышал радиацией, а мы в нем сидели. Почему? Не было решения правительства об эвакуации. Заходит ко мне генерал ПВО Кузиков (неподалеку находился их большой объект) и говорит: «Я прибыл с задачей эвакуировать весь личный состав объекта— приказ Главкома ПВО»... А я ему отвечаю: «Решения правительства на эвакуацию нет. А если вы это будете делать самостоятельно и сеять панику, я передам дело в военный трибунал». Тогда мне генерал предложил переехать из Припяти к ним на объект — там значительно чище в радиационном отношении. Что мы и сделали. Потом уж подготовили Чернобыль и переехали туда.

Полдня мы потратили на Припять. И не зря. Объехали буквально всё. Конечно, в сравнении с тем, что было, к примеру, в мае, общая обстановка изменилась значительно к лучшему: наведен общий порядок. Дважды провели очистку зданий, различных построек, дорог, и сейчас уровень радиации значительно ниже (в том числе в той части, которая ближе всего к АЭС), хотя и не позволяет еще пользоваться этим современным городом.

Б. Е. Щербина принял правильное решение о создании смешанной комиссии, которой поручалось всесторонне изучить ситуацию в городе и доложить комиссии возможные варианты решений.

Еще не раз и не два мы о многом беседовали с Борисом Евдокимовичем, разговор шел вокруг многих событий, но главным образом о Чернобыльской АЭС. Одной из основных проблем была скудная информированность нашего населения. Как плохо осведомлены наши люди обо всем, что касается радиации. Нет никакого сомнения в том, что наша цивилизация будет развиваться, а это потребует еще больших затрат энергии. Поэтому развитие ядерной энергетики— это требование времени (во Франции 70 процентов электроэнергии получают за счет АЭС, в чем я лично убедился в 1990 году. Причем многие атомные электростанции там расположены в городах). Но для правильной их эксплуатации граждане страны должны соблюдать порядок и располагать элементарными знаниями. Даже интеллигенция делает круглые глаза, когда начинается конкретный разговор. А ведь это тоже часть современной культуры. Кто же отвечает за подготовку и переподготовку людей? Государство. К сожалению, государство просветительством граждан через средства массовой информации у нас занимается крайне недостаточно, считая, очевидно, что хватит школьных и вузовских программ. А ведь это почти ничего, если, к примеру, говорить о том, как надо пользоваться ядерной энергией в мирных целях, какие предпринимаются меры безопасности и что, как минимум, должен знать каждый гражданин. Ясное дело, безопасность любого производства должна быть обеспечена, но ясно и другое: каждый человек должен быть просвещен, как надо действовать во время чрезвычайной ситуации. Ничто не должно захватить его «голым», совершенно не вооруженным хотя бы элементарными знаниями, чтобы не оказаться в положении профана. Как вы, читатель, помните, в случае с Чернобыльской АЭС даже все сотрудники станции, начиная от директора, несколько дней были в трансе. Что можно говорить тогда об их семьях, а тем более о жителях прилегающих населенных пунктов?!

Да и Борис Евдокимович Щербина, критикуя существующую ситуацию с информированием и просвещением народа, сам оказался жертвой такого положения. Мощная фигура — ничего не скажешь.

Но подставленный под удары смертельных лучей незащищенный организм был, конечно, обречен. Вот и потеряли мы преждевременно замечательного человека и прекрасного государственника.

А сколько еще умерло и умирает по этой причине, в том числе и среди военных? Особо трагично сложилась судьба у начальника Научного центра генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Федорова. После Чернобыля его назначили в 1988 году начальником штаба Группы войск в Германии. Однако по болезни он вскоре уволился. Долго врачи толком не могли определить, что у него. Но, оказывается, альфа-лучи от частицы, которая попала вместе с воздухом в легкое и осела там, несколько лет разрушая организм. Алексей Константинович перенес ряд сложнейших полостных операций. В итоге потерял полностью одно легкое и почку. Я встретился с ним в госпитале, куда временно был помещен для проведения диспансеризации. Это было в 1996 году, а уже весной 1998 года мы его похоронили.

Бороться с такой силой, как радиация, надо умело. И готовиться к борьбе надо до прихода беды. Мы же стали этим заниматься, когда «гром грянул». Именно в связи с Чернобылем мы поставили перед Киевским, Калужским, Мелитопольским и Челябинским НИИ, соответствующими предприятиями сразу две принципиальные задачи: создать радиоуправляемое устройство (типа трактора с «рукой»), которое могло бы проводить очистку местности или объекта от излучающих элементов, и подготовить специалистов, которые могли бы управлять таким изделием из соответствующего пункта управления. И такая машина была создана под кодовым названием «Клин». Однако со временем пришлось перейти от радиоуправляемых устройств к управлению по кабелю — слишком сильное излучение давало мощные помехи. А по кабелю — нормально.

Но ведь все это пришлось делать день и ночь, в авральном порядке, впопыхах, когда катастрофа не просто уже имела место, а стремительно развивалась. Все это можно и нужно было предвидеть и готовиться к возможным ЧП заранее.

Закончив свою работу во время второй поездки в Чернобыль, я возвращался в Афганистан с тяжелым чувством неопределенности: чем все кончится в Чернобыле, если даже среди наших ученых-ядерщиков нет единства во взглядах.

Мне было ясно, что недисциплинированность сотрудников-экспериментаторов во время эксплуатации АЭС обернулась на четвертом блоке ужасными последствиями. Положительный скачок реактивности привел к разгону реактора с периодом менее одной секунды. При такой скорости нарастания мощности попытка «обуздать» ситуацию опусканием твел приводит только к их разрушению ядерным топливом, поскольку в реакторе резко возрастает давление и происходит взрыв. В результате верхняя плита взлетает, как крышка кастрюли. Но резкий разгон реактора на ускоряющихся нейтронах и его разрушение первым взрывом — это еще не все. Вслед за этим, секунд через двадцать, последовал второй взрыв, значительно мощнее первого. Он произошел внутри реактора из-за быстрого скопления большого объема водорода, который начал образовываться в результате реакции имевшегося в реакторе циркония с паром (при температуре 900 градусов и выше идет интенсивное выделение чистого водорода). Второй взрыв и сделал основной выброс в атмосферу.

Уже значительно позже, возвращаясь к событиям катастрофы на Чернобыльской АЭС, я проводил для себя аналогию с теми общественно-политическими явлениями, которые имели место в 80-х и 90-х годах в СССР и Российской Федерации.

Да, сходство по последствиям было.